

Цинь Цан не считал это чем-то важным и лишь усмехнулся:

— Что за ерунда, я хотел сделать тебе сюрприз.

Цзыцянь ответил:

— Сюрприз? Хм, скорее шок. Вам всем кажется, что каждый может смотреть на это инвалидное тело с жалостью, чтобы я мог использовать его для выпрашивания сочувствия и прощения?

Цинь Цан возразил:

— Что за глупости? Что с твоим телом? Я считаю его очень привлекательным, настолько, что хочется укусить.

Он наклонился ближе, и их дыхание смешалось. Цзыцянь неловко отстранился.

Цинь Цан понял, что этот наглый подход отлично работает с Цзыцянем, который всегда старался казаться строгим. Это срабатывало безотказно.

Даже самый сильный гнев Цзыцяня мог быть рассеян таким образом.

Как и ожидалось, Цзыцянь вздохнул, разгладил брови и беззлобно сказал:

— Не шути так, больше так не делай! У тебя нервы, как канат, не все такие, как ты, и не всем всё равно. Пожалуйста, учитывай мои чувства.

Цинь Цан снова приблизился:

— Какие чувства? Расскажи.

Цзыцянь откинул голову назад, избегая его дыхания.

— Чувство собственного достоинства!

Цинь Цан выпрямился и вздохнул:

— Мой господин, ты становишься всё более требовательным.

Цзыцянь не стал спорить, засунул руку в штаны и нащупал что-то тёплое, отчего его брови снова нахмурились. После семи лет паралича он знал своё тело как свои пять пальцев. В хорошие дни он мог чувствовать позывы к мочеиспусканию и даже немного сдерживать их, но ненадолго.

Обычно днём он не носил подгузники, только на ночь. Во время глубокого сна тело полностью выходило из-под контроля. Но сегодня днём он спал беспокойно, почти на грани сознания, и теоретически должен был почувствовать позывы. Однако сейчас он совершенно не чувствовал, как моча вытекала, и это происходило слишком часто. Это было явным сигналом того, что его тело протестует.

Он слишком устал за последнее время. Как только проект будет утверждён, он должен будет как следует отдохнуть.

Он всё-таки не такой, как здоровые люди.

Цинь Цан пошёл в ванную, набрал таз с горячей водой и вернулся. Цзыцянь уже пытался сесть, неуверенно опираясь на изголовье кровати:

— Поставь воду на стол, я сам справлюсь. Иди поговори с Цзысюань, чтобы ей не было скучно.

Цинь Цан проигнорировал его, схватил его руку и ловко стянул штаны:

— Я сделаю это быстрее, чтобы Цзысюань не ждала.

Цзыцянь знал о своих ограничениях. Если бы он делал всё сам, на это ушло бы не меньше получаса. Он неохотно кивнул:

— Ладно, только быстрее.

Цинь Цан ловко отклеил подгузник, развернул его и приложил горячее полотенце к животу Цзыцяня, слегка надавив. Цзыцянь стиснул губы, вздрогнул, и из мочеиспускательного канала снова вытекло немного жидкости.

Если у парализованных пациентов не полностью опорожняется мочевой пузырь, это может привести к нарушению его функции и инфекциям мочевыводящих путей, так что это нельзя игнорировать.

Живот болел от надавливания, и эта боль была странной. Цзыцянь не мог точно описать, где и как болит. Он просто чувствовал, как боль исходит изнутри, иногда передаваясь в тяжёлую нижнюю часть тела, словно в груди внезапно появилась гора камней. Иногда боль отдавала в спину, будто кто-то вонзал шило в позвоночник.

Хотя он не чувствовал прикосновений, температуры или боли ниже груди, эта внутренняя боль периодически беспокоила его. Например, при переполненном мочевом пузыре надавливание на живот вызывало боль, при запорах возникали кишечные колики, а самое мучительное — это катетеризация. Если у него поднималась температура, возникала задержка мочи, и приходилось делать периодическую катетеризацию, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Ощущения от катетера были настолько ужасными, что он даже не хотел вспоминать, будто раскалённая проволока проходила через его тело, разрывая внутренности.

Врачи говорили, что это типичное нарушение нервной проводимости у парализованных пациентов: либо они ничего не чувствуют, либо боль усиливается в несколько раз, а то и в десятки раз, передаваясь в мозг и вызывая сильные болевые ощущения. Очевидно, несчастный Цзыцянь относился ко второй категории.

Цинь Цан несколько раз надавил по часовой и против часовой стрелки, и, когда мочеиспускательный канал перестал подтекать, остановился.

— Этот цвет... Сколько воды ты выпил утром? Снова хочешь заработать инфекцию мочевыводящих путей и температуру? — недовольно спросил Цинь Цан. — Если так продолжится, я тебя свяжу и отвезу в больницу.

Цзыцянь сам выжал полотенце и вытер лицо. От боли у него выступил холодный пот. Он посмотрел на разложенный на кровати подгузник и, с отвращением нахмурившись, сказал:

— Выбрось его, открой окно, запах ужасный.

— Своего же не стыдишься, — усмехнулся Цинь Цан, пошёл в ванную выбросить подгузник, а

вернувшись, увидел, что Цзыцянь разложил новый подгузник и, опираясь на руки, пытался надеть его. Он поспешил помочь:

— Ты и проснувшись будешь носить его? В последние дни не чувствуешь позывов?

Цзыцянь ответил:

— Сегодня днём заседание совета директоров, оно будет долгим, я боюсь, что что-то пойдёт не так.

Цинь Цан фыркнул:

— Я уже привык к твоим отговоркам, у меня выработался иммунитет. Наверняка ты слишком много работал в последние дни, и твоё тело стало менее чувствительным, да?

Он продолжал ворчать, ловко помогая ему надеть подгузник.

Цзыцянь смотрел на красивого молодого человека, чьи сильные пальцы двигались по подгузнику, и это зрелище резало ему глаза. Он нахмурился и сказал:

— В следующий раз не делай этого.

— Не делай чего? Привезти твою сестру?

— Нет! Менять подгузники, убирать кал — эти отвратительные вещи, не делай их.

Цинь Цан, не поднимая головы, продолжал массировать его ноги:

— Почему?

— Мне... это неприятно. Ты не медбрат, ты не низший слуга, зачем тебе делать такие гадкие вещи? Я сам справлюсь с тем, что могу, а если не смогу, пойду в больницу, где врачи и медсёстры помогут. В общем... просто не делай больше этой грязной работы.

Цзыцянь устало прикрыл глаза, избегая вопрошающего взгляда Цинь Цана, и, собравшись с силами, добавил:

— В первые годы... моё состояние было слишком плохим, и я не мог обходиться без помощи. Но в последние годы, как ты видел, реабилитация дала хорошие результаты, и качество моей жизни значительно улучшилось. В большинстве случаев я могу справляться сам: стирать, готовить... даже катетеризация и клизмы — всё это мне под силу. Я полностью могу управлять своим телом.

— Что ты хочешь сказать? — голос Цинь Цана стал тихим, он выпрямился, скрестив руки на груди, и явно тоже разозлился.

Цзыцянь за весь день не выпил ни глотка воды, и после разговора почувствовал, как пересохло в горле. Он облизал сухие губы и сказал:

— Я хочу сказать, что у тебя есть свой дом, не приходи ко мне так часто. Прошло столько лет, а у тебя всё ещё нет пары. Люди скажут, что я тебя задерживаю.

Цинь Цан нахмурился:

— Кто тебе нашептал это?

Его лицо стало серьёзным, и обычно расслабленное выражение внезапно превратилось в угрожающее, будто он готов был кого-то убить.

Цзыцянь ответил:

— Никто, я... давно хотел это сказать.

Цинь Цан громко крикнул:

— Ты мой брат, кроме тебя, на кого мне ещё опереться? Кроме тебя, о ком мне ещё заботиться? Чёрт возьми, если я не буду заботиться о тебе, то о ком тогда?

Цзыцянь посмотрел на него в ответ:

— Ты что, с трёх слов готов съесть человека?

Цинь Цан сказал:

— Так ты, чёрт возьми, считаешь, что я тебе мешаю, и мы больше не будем общаться?

Цзыцянь рассмеялся:

— Где я такое сказал? Ты что, не понимаешь или притворяешься?

Цинь Цан нагло заявил:

— Я не закончил даже среднюю школу, у меня начальное образование, мои способности ограничены, так что я могу не понять.

Цзыцянь поднял руку:

— Ладно, я не буду с тобой спорить. Если ты хорошие слова воспринимаешь как плохие, то потом не жалуйся, что я тебя обременяю.

Цинь Цан упрямо кричал:

— Когда я когда-либо жаловался? Я служил тебе, как богу, все эти годы, и ни разу не пожаловался.

— Ты мой бог, если кричишь ещё громче, чтобы все пришли посмотреть на наш скандал.

Цзыцянь, опираясь на руки, бросился к нему, чтобы закрыть ему рот. Его нижняя часть тела была лишь в подгузнике, а две тонкие ноги переплелись, образуя прямую линию от ступней до голеней, как хвост рыбы. Цинь Цан едва не возбудился.

Чёрт возьми, — ругнулся он про себя, — даже от такого вида я возбуждаюсь. Видимо, я действительно слишком долго был один.